

Munich Personal RePEc Archive

About the neoindustrial model and strategy of development economics

Vadim Daskovskiy and Vladimir Kiselyov

National Institute of Economics (NIEc, www.niec.ru)

13. May 2013

Online at <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/49585/>

MPRA Paper No. 49585, posted 7. September 2013 22:25 UTC

О неоиндустриальной модели и стратегии развития экономики
About the neoindustrial model and strategy of development economics

Вадим Борисович Дасковский

(Vadim B. Daskovskiy),

доктор экономических наук, профессор (professor)

Национальный институт экономики (НИЭж, www.niec.ru)

(*National Institute of Economics (NIEc, www.niec.ru)*,

e-mail: vadimdask@ya.ru

Владимир Борисович Киселёв

(Vladimir B. Kiselyov),

доктор экономических наук, профессор (professor)

e-mail: velesik@rambler.ru

Аннотация

Правительство сохраняет приверженность экспортно-сырьевой модели, несмотря на её исчерпанность. Однако с каждым годом всё сложнее удовлетворять потребности страны в материальных благах за счёт сырьевых доходов. Наибольшие разногласия вызывает обоснование меры и форм государственного участия в экономике. Результаты анализа официальной экономической стратегии «Стратегии-2020» приводят к выводу, что на основе экспортно-сырьевой модели задачи социально-экономического развития России практически неразрешимы. Между тем другие стратегические подходы принципиально едины относительно преодоления сырьевого уклона экономики. Они расходятся только насчёт форм и методов осуществления системного маневра. Критика проводимой экономической политики ведётся сторонниками двух новых парадигм современного развития: технологических укладов и новой индустриализации, которые суммируются, по сути, в неоиндустриальном укладе. Стратегия должна содержать комплекс первоочередных мер. Анализ данных, позволяет констатировать достижение критического порога вытеснения экспортно-сырьевой рентой трудовых доходов в ВВП и федеральном бюджете России. Мы предлагаем, чтобы платформой первоочередных мер стала инновационная реконструкция материально-технической базы отечественных предприятий. В связи с глубокой деформацией экономической среды программа предполагает усиление присутствия государства на важных направлениях развития. Государство не должно ограничиваться функцией общей координации экономики, развивающейся под действием рыночных сил. На наш взгляд, эффективной мерой явилась бы фиксация базисных цен на период действия трёхлетнего государственного бюджета. Также государство должно реализовать свое право на владение всей массой природной ренты с помощью активной ценовой политики вместо налоговой (НДПИ). Предстоит перейти от практики стерилизации средств экономики к наращиванию её монетизации, снижению кредитной ставки, «расшить» проблему плохих долгов. В бюджете нужно перейти от постатейной эффективности к бюджетной, чтобы сумма текущих поступлений в бюджет превышала сумму прошлых инвестиционных расходов. Покровительство «бегству капиталов» из страны должно смениться ограничением перемещения средств за рубеж. Предстоит выработать механизм сдерживания массовых финансовых вложений на фондовом рынке, носящих спекулятивный характер. Содержание программы управляемой инновационной реконструкции экономики должно включать шесть взаимосвязанных блоков. Инновационное обновление повысит конкурентоспособность экономики, устранил перекосы отраслевой структуры, обеспечит устойчивость государственного бюджета. Россия совершит поворот на путь передового развития - неоиндустриального, наукоёмкого, инновационного.

Abstract

The Russian Government remains committed to the resource model. Every year more and more difficult to meet the country's needs for material wealth at the expense of resource revenues. The biggest debate is to validate the measures and forms of government involvement in the economy. The results of analysis of official economic strategy of the «Strategy 2020» lead to the conclusion that based on the resource model of the problem of economic development of Russia is practically not solve. Meanwhile, other strategic approaches are fundamentally similar as to how to overcome the dependence on natural resources. They differ only in the forms and methods of the maneuver. Economic policy criticized by supporters of the two new paradigms of modern development. This is the paradigm of technological structures and the paradigm of the new industrialization. These paradigms are summarized, in fact, in one paradigm - neoindustrial structure. The strategy should include a set of priority measures. Analysis of the data allows to ascertain the achievement of a critical threshold of substitution of labor income in the federal budget of Russia and the country's GDP, revenues from natural resources. We believe that the first measures should be innovative reconstruction of the material and technical base of domestic enterprises. Our program is intended to strengthen the state's presence in important areas of development. The state should not be limited overall coordination of the economy, evolving under the influence of market forces. The program of reconstruction of the economy should include six interconnected blocks. Innovative renovation will increase the competitiveness of the economy, will ensure the sustainability of the state budget. Russia will come out on the path of excellence - neo-industrial, knowledge-based, innovation.

Опубликовано в журнале «Экономист» №6 2013 год, страницы 34-49.

Ключевые слова: экономическая политика; участие государства в экономике; модель развития; стратегия развития; государственное участие

JEL коды: E41, E5, E52, E6, E60, L32, L33, L38, L53, O1, O23, O25, O21, O52.

К вопросу о новой экономической модели. На рубеже 2004-2005 гг. наступательный порыв к эффективным преобразованиям экономики, обозначившийся в начале 2000-х гг., начал фактически иссякать. Пореформенная Россия осталась в мировой нише государств-рантье, существующих на доходы от торговли природными ресурсами, проедаая будущее потомков, утрачивая значительный образовательный и научно-технический потенциал, созданный трудом и усилиями предыдущих поколений.

Бытие и развитие нашего общества до сих пор подрывается деиндустриализацией и сопровождающими её асоциальными диспропорциями и деформациями. Разница в доходах самых богатых и бедных групп зашкаливает, значительно превышая цивилизованный порог. Заработная плата не выполняет своей главной функции, которая состоит в нормальном воспроизводстве рабочей силы работников физического и интеллектуального труда. Несмотря на обострённость демографической ситуации в стране, приобретение жилья для построения молодой семьи за счёт трудовых доходов экономически невозможно.

Установилась экономическая система с негативным отношением к труду и трудовому созиданию, но с позитивным - для нетрудового обогащения. Вот почему нарастает отсталость производства и нет должного спроса на учёных, конструкторов, технологов, программистов. Большинство выпускников вузов вынуждено идти в коммерцию, наиболее способные уезжают в передовые индустриальные страны.

Многими федеральными министерствами, ведомствами и организациями руководят так называемые менеджеры, озабоченные лишь биржевыми котировками и абсолютно незнакомые с подлинной спецификой возглавляемого дела. Бандитизм 1990-х гг., вызванный внеэкономическим переделом собственности в форме приватизации, сменила кабинетная коррупция. Государственные органы нередко рассматриваются в виде источника извлечения личного дохода, дополнительного к государственному жалованью. Общегосударственный интерес подмят частным. Поэтому объективная потребность в инновационном обновлении материально-технической базы народного хозяйства длительно игнорируется, тогда как необходимые для этого ресурсы проедаются и разворовываются, остатки направляются в иностранные ценные бумаги.

Правительство сохраняет приверженность экспортно-сырьевой модели, несмотря на очевидную её исчерпанность и свои декларации о её замене. Тем временем резервы наращивания экспорта сырья сокращаются. С каждым годом всё сложнее удовлетворять потребности населения и государства в материальных благах за счёт конъюнктурных сырьевых доходов, которые к тому же оборачиваются для страны нарастающими потерями внутреннего производства.

В качестве наиболее актуальной проблемы экономический кризис обозначил создание прогрессивной модели экономики, нацеленной на рост производительности труда и уровня жизни населения. Необходимость решения этой проблемы не раз признана руководством страны.

Однако выборы в 2012 г. Президента РФ и нового представительства Государственной думы обозначили различные позиции по поводу пути дальнейшего развития. Наибольшие разногласия вызывает ныне оценка итогов реформирования экономики страны, а также обоснование рациональной меры и форм государственного участия в хозяйственной деятельности.

Критики указывают на многие изъяны хозяйственной деятельности и экономической политики, относительность и условность макроэкономической стабилизации, а также на пассивную и неопределённую роль государства в экономике. По мнению ряда специалистов, для овладения утраченными позициями советской экономики и скорейшего преодоления отставания в развитии в сравнении с ведущими странами предлагается деприватизация предприятий по добыче природных ресурсов, что рассматривается как условие преодоления кризисного состояния экономики и восстановления социальной справедливости в обществе. Представители власти считают, что состояние макроэкономической стабилизации народного

хозяйства достигнуто, а степень государственного участия в этом процессе близка к оптимальной.

Тем временем в официальной экономической стратегии, воплощённой в обновлённой «Стратегии-2020», формулируются цели, связь которых с технологическим развитием народного хозяйства и имеющимися для этого возможностями отсутствует. К примеру, поставленная в конце 2008 г. цель достигнуть до 2020 г. параметры развитых стран по уровню жизни населения выглядела привлекательно, однако была нереалистичной, поскольку не опиралась на адекватную экономическую систему. Расчёты показывают, что прогнозируемое сближение с развитыми странами по объёму ВВП на душу населения даже при тогдашних темпах роста потребовало бы не 12, а почти 40 лет.

Пока сохраняется зависимость страны от непредсказуемой конъюнктуры на мировом рынке нефти, задача сокращения отставания не будет иметь способа практического решения. Чтобы обеспечить её реализацию, экономическое положение страны надо поставить вначале в зависимость от развития производительных сил России. На наш взгляд, это и составляет тот системный маневр, для выполнения которого требуется новая стратегия.

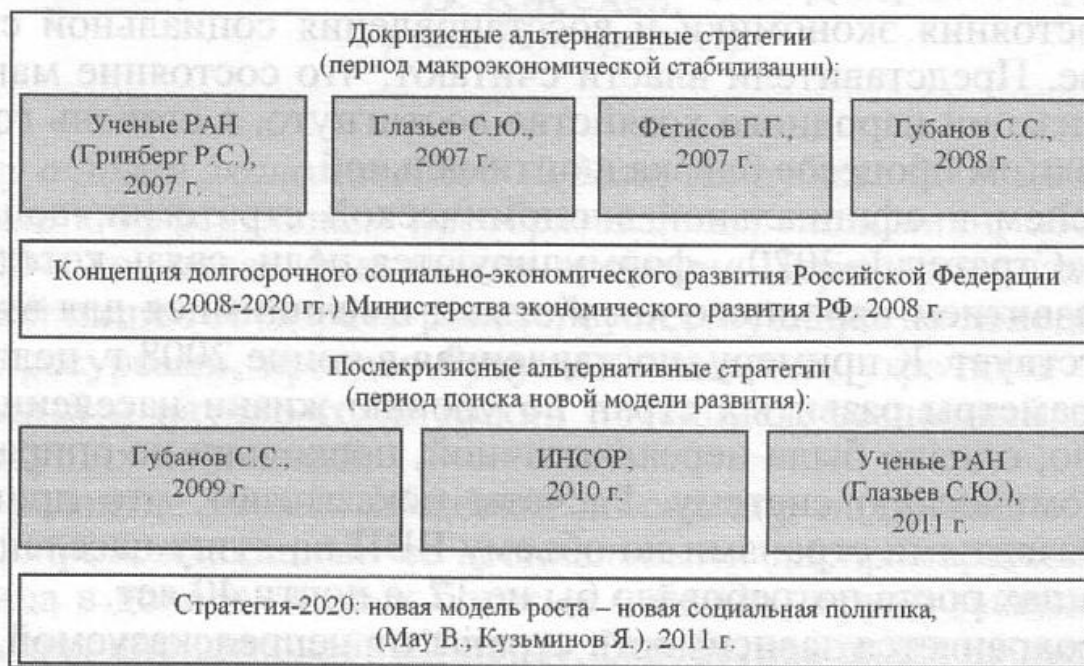
Системные перемены действительно нужны - в первую очередь на экономическом фронте. Ещё в 2008 г. ставился вопрос о переходе к новой модели развития и согласовании с ней экономической политики. В 2009 г. с учётом грянувшего кризиса были детализированы принципиальные моменты концепции инновационного социально-экономического развития, в которой государство выступает основным источником роста - и как владелец ключевых финансовых ресурсов, и как нейтрализатор рыночной стихии, и как держатель важнейших институтов развития. Государство определяет приоритеты, концентрирует финансовые ресурсы, выстраивает финансовую систему, опираясь на принадлежащие ему банки, напрямую руководит крупнейшими, стратегически важными производственными компаниями.

Однако в последующие годы дело так и не сдвинулось с мёртвой точки. Более того, начался очередной пересмотр концептуальной базы. Но он ничуть не улучшил её. Скорее наоборот, потому что рекомендации экспертных групп, включённые в 2012 г. в обновлённую «Стратегию-2020», о принятии за основу новой модели не «экономики спроса», а «экономики предложения» заведомо несовместимы с подъёмом национальной экономики.

«Экономика предложения» на основе экспортно-сырьевой модели. Основной порок «экономики предложения» видится в том, что она не только не преодолевает экспортно-сырьевую модель, но и снимает саму постановку о необходимости замены этой модели, исчерпавшей себя. На данное обстоятельство, к сожалению, государственное руководство должного внимания не обратило. В то же время учёное сообщество слышало подтверждение прежней установки на освобождение России от экспортно-сырьевой зависимости. В результате общество получило весьма разноречивые сигналы, которые объясняются, по-видимому, борьбой различных позиций.

Между тем другие стратегические подходы, разрабатываемые в том числе академическими кругами, принципиально едины относительно преодоления экспортно-сырьевого уклона и расходятся только насчёт форм и методов осуществления системного маневра. Основные этапы и ключевые концептуальные идеи, связанные с поиском стратегии эффективного социально-экономического развития России в период 2007-2012 гг., систематизированы нами и представлены на диаграмме 1 ((Глазьев, 2007, 2012; Губанов, 2008, 2009, 2011; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (2008-2020 гг.), (2008); Любинин, 2010; Мау, 2012; Медведев, 2009; О стратегии развития экономики России, 2011; Полтерович, 2009; Реформационный прагматизм как основа модернизации, 2007; Россия XXI века: образ желаемого завтра, 2010; Стратегия-2020: новая модель роста - новая социальная политика, 2012; Фетисов, 2007).

**Этапы поиска эффективной стратегии
социально-экономического развития России в 2007-2012 гг.**

Как показывает анализ литературы, по вопросу о системном маневре наиболее последовательную позицию - и до, и после кризиса - занимают С.С.Губанов, С.Ю.Глазьев и другие академические учёные, которые настойчиво отстаивают необходимость новой индустриализации России и ратуют за скорейшее преодоление деиндустриализации, а значит, и экспортно-сырьевой модели. Позиция же тех, кто склоняет Россию к «экономике предложения», непоследовательна, поскольку они предпочитают не прояснять своего отношения к деиндустриализации и экспортно-сырьевой модели, молчаливо сохраняя их.

Что до позиции правительства, то оно заняло, похоже, некое срединное положение, которое и нашло выражение в первом варианте «Концепции-2020», одобренном в ноябре 2008 г. С одной стороны, там говорится о необходимости ухода России от экспортно-сырьевой зависимости, а с другой - все три сценария фактически сходятся к инерционному, несмотря на видимые цифровые отличия. Просто порядок цифр такой, что какого-либо качественного различия между сценариями не просматривается (табл. 1).

Из представленных данных видно, что кардинальных различий между сценариями до 2020 г. не наблюдается. Если инновационный путь (рост ВВП в 2,3 раза) выводит якобы нашу экономику в разряд развитых стран, то при следовании энергосырьевым путём отклонение едва различимо (рост ВВП в 2 раза). Между тем еще в 2008 г. декларировалось общее понимание того, что продолжение инерционного и энергосырьевого развития неприемлемо.

Особый интерес представляет анализ проблемы темпов и сроков сближения социально-экономических условий России с промышленно развитыми странами. Показатель ВВП на душу населения свидетельствует о богатстве страны, возможностях по обеспечению высокого уровня жизни и развития экономики. Размер его в сравнении с ведущими державами в 4-5 раз ниже, поэтому объём ВВП России, разумеется, предстоит соответственно увеличить.

Оценивая необходимые темпы преодоления отставания отечественной экономики от индустриально развитых держав, необходимо иметь в виду, что невысокие темпы роста последних (около 1,5-2,5% в год) являются следствием весьма плотного там насыщения потребностей и спроса населения на товары, продукцию и услуги, а также достижения высокой производительности труда. В России, напротив, имеются огромные потребности и спрос, не удовлетворяемые использованием собственных производственных мощностей, во многом устаревших, и наблюдается интенсивно растущий импорт, способствующий фактически экономическому развитию других стран. Очевидно, что основным направлением

реализации крупного пласта резервов является инновационное обновление отечественного производства, но на практике этому не уделяется ни должного внимания, ни должных практических усилий.

Таблица 1

**Сценарии развития Российской Федерации до 2020 г.
(к уровню 2007 г., раз)**

	Инерционный	Энергосырьевой	Инновационный
Рост ВВП	1,8	2,0	2,3
Рост инвестиций	2,4	3,6	4,0

Источник: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (2008-2020 гг.). - М.: Министерство экономического развития РФ. 2008. С.199.

Отметим ещё одно немаловажное обстоятельство. В последнее время часто слышны ссылки на то, что темпы роста в передовых индустриальных странах мира достаточно умеренные. Такие ссылки поверхностны, они не учитывают разного качества роста. Между тем лучше низкие темпы высокотехнологичного роста, чем высокие - сырьевого. Кроме того, следует иметь в виду, что в передовых индустриальных странах темпы приращения относятся к куда большей массе совокупного производительного капитала, чем у нас. Наконец этим странам приходится обеспечивать рост вопреки неблагоприятному воздействию высоких цен на энергоносители и другое сырьё.

У России иная ситуация, хотя большие топливно-энергетические затраты, конечно, также негативно влияют на экономику. Тем не менее, во-первых, Россия отстаёт по размеру и качеству применяемого производительного капитала, т.е. имеет крайне низкую воспроизводственную базу; а во-вторых, даже номинально высокие темпы роста ВВП не обеспечивают ни сокращения отставания, ни тем более высокотехнологичного качества развития, поскольку базируются главным образом на работе сырьевого сектора народного хозяйства.

Казалось бы, это парадокс, что высокие темпы роста не позволяют сокращать отставание со странами, растущими меньшим темпом. Но простой расчёт помогает понять, в чем тут дело. Как известно, начиная с 2000 г. в докризисный период (до второй половины 2008 г.) среднегодовой темп роста ВВП России составлял округленно около 7%, тогда как в США - примерно 2,5%; отставание по уровню жизни было примерно пятикратным. Исходя из этих усреднённых данных оценим, сколько времени понадобилось бы для того, чтобы Россия преодолела разрыв с США в уровне жизни населения в предположении сохранения 7%-ного ежегодного роста в долгосрочной перспективе. Составим соответствующее уравнение по средним для 2000-2008 гг. условиям:

$$U_1 \times (1 + \rho_1)^t = U_2 \times (1 + \rho_2)^t,$$

где U_1 и U_2 – уровень жизни соответственно в России и США в измерении по ВВП на душу населения;

ρ_1 и ρ_2 – темп экономического роста в России и США.

Принимая, что $U_2 = 5U_1$ и $\rho_1 = 0,07$, $\rho_2 = 0,025$, получаем, что на преодоление отсталости потребовалось бы не менее 37,5 года: $(1 + 0,07)^t = 5 \times (1 + 0,025)^t$, откуда $t = 37,5$ года. Ещё раз подчеркнем, что расчёт выполнен применительно к непрерывному среднегодовому темпу роста на уровне 7%. И даже при этом предположении - для долгосрочного интервала, разумеется, совершенно нереалистичном - преодоление количественного отставания растягивается как минимум до 2050 г., а качественного - практически не происходит.

Наглядно подтверждая нереалистичность отмеченного предположения, кризис и последующий за ним период внесли негативный перелом в экономическую динамику. После

кризисного падения темпы роста так и не восстановились, а с 2012 г. обозначилась тенденция торможения и стагнации экспортно-сырьевого роста. Между тем при темпе роста на уровне 3,4% в год (фактическое значение по итогам 2012 г.) время преодоления отставания увеличивается с 37,5 до 102 лет, что с точки зрения современного поколения лишает соответствующую задачу социально привлекательного смысла.

С научной же позиции полученный результат приводит к тому принципиальному выводу, не раз уже формулированному в литературе, что *на основе экспортно-сырьевой модели задачи социально-экономического развития России практически неразрешимы* (Губанов, 2012).

Мало того: нынешняя экономическая ситуация ставит под вопрос достижимость даже весьма скромных сценарных параметров роста по первоначальной «Концепции-2020», в которой, кстати, при установке на сокращение отставания рост отечественной экономики к 2020 г. должен бы быть гораздо выше, чем в 2,3 раза по инновационному сценарию.

Можно прибавить ещё дополнительные доводы в пользу констатации того, что преодоление отставания от индустриально развитых стран на базе экспортно-сырьевого роста исключено. Но, на наш взгляд, довольно и уже приведённых. Очевидно, что главный фактор социально-экономического подъёма России - это не рост добычи и экспорта сырьевых ресурсов, а высокотехнологичное развитие производительных сил. И поскольку экспортно-сырьевой рост происходит без новой индустриализации производительных сил, только за счёт перекачки ресурсов за рубеж, то он по определению не может быть движущей силой, способной сокращать отсталость и отставание в производительности труда, покупательной способности и уровне жизни населения.

Категоричность данного вывода подкрепляется и тем фактом, что посткризисный экономический рост в России, несмотря на восстановление мировых цен и спроса на энергоносители, снизился в начале 2013 г. до 1,6%. Это означает скатывание на более низкую траекторию вследствие системного действия внутренних неблагоприятных факторов. Текущие наши темпы не выше, а ниже, чем в США. Их соотношение развернулось в обратную сторону, и теперь Россия не преодолевает отставание, а увеличивает. Подобный исход не случаен, а закономерен. Он показывает исчерпанность экспортно-сырьевой модели.

Таким образом, назрела полная перенастройка отечественной экономической системы. Необходимо переключить её с роста сырьевого экспорта на высокотехнологичное, неоиндустриальное развитие производительных сил России. По сути, предстоит заложить передовой системный фундамент, адекватный требованиям инновационного развития на базе новой индустриализации. В общем, нужно коренным образом изменить модель и стратегию развития.

Поиск новой модели и стратегии развития. В период после кризиса развернулся оживлённый социальный дискурс по поводу пути дальнейшего развития России, а противоборство различных позиций заметно обострилось.

Позиция тех, кто относит себя к «либеральному» направлению, выражена в докладе Института современного развития - «Россия XXI века: образ желаемого завтра». Взятая как таковая, оценка сложившейся ситуации здесь тревожна и довольно объективна. Цитируем: «Перед нами снова угроза оказаться беспомощными свидетелями деградации великой державы ... Речь идёт о самом выживании России, по крайней мере в её нынешних геостратегических параметрах ... Общепризнанной становится задача смены вектора развития - преодоления избыточной зависимости от экспорта сырья с выходом в экономику знаний, наукоёмких производств, высоких технологий и интенсивных инноваций ... Мы двигались вперёд, не определившись с тем, куда идём и каков он, "образ желаемого будущего"» (Россия XXI века: образ желаемого завтра, 2010).

Однако желаемое будущее прорисовано в этом докладе только в политическом плане. Экономические рекомендации сводятся лишь к минимизации роли государства, являющегося якобы «главным ограничителем развития». Как представляется, о практической бесполезности заявленной позиции для отечественной экономики свидетельствует и заключение, сделанное

авторами: «Для подлинно инновационного развития (а по большому счёту и для обеспечения самого инновационного старта) уже нужна другая страна - с другой системой ценностей и отношений, с другой политикой и социальной средой, с другой системой управления, с другим настроением в бизнесе» (Россия XXI века: образ желаемого завтра, 2010).

Но вызовы и обстоятельства настоятельно требуют именно «подлинно инновационного развития» и скорейшего «инновационного старта», причём не в другой, а в существующей стране. И потому «либералам» был предоставлен ещё один шанс заполнить повестку развития. По поручению государственного руководства они выпустили под редакцией В.Мау и Я.Кузьмина переработанный вариант «Стратегии-2020», в котором «новая» модель роста соподчинена в заглавии с «новой» социальной политикой и призвана учесть последствия и вызовы мирового кризиса (Стратегия-2020: новая модель роста - новая социальная политика, 2012). Промежуточный доклад и первая публикация о его направленности были представлены в начале 2012 г. (Мау, 2012).

Признавая, что всякий, особенно нециклический кризис, должен приводить к глубокому переосмыслению содержания и методов управления экономикой, авторы доклада приходят к выводу о том, что минувший мировой кризис подтверждает необходимость усиления государственного регулирования за счёт отказа от либерализма: правда, не экономики в целом, а её сектора - финансового рынка. Однако, как утверждается, это регулирование в национальных границах неосуществимо, в связи с чем требует наднационального подхода.

Согласно докладу актуальные проблемы социально-экономического развития нашей страны призвана решить модель «экономики предложения», которая, как известно, реализовывалась в США в 1980-е гг., получив название «рейганомика». Как ни парадоксально, именно эту модель авторы и называют «новой», воздерживаясь от глубокого анализа реальных последствий её применения для экономики и конкурентоспособности США.

В рамках «экономики предложения» главной движущей силой благоприятных перемен изображается не что иное, как монетаризм, сведённый к значительному снижению налоговой нагрузки и государственных расходов. Скажем сразу, что этот путь неприемлем для России вообще, а при нынешнем состоянии государственного бюджета - в особенности. Аргументация в пользу целесообразности «новой» модели рейганомики выглядит неубедительной. Причём не столько из-за расплывчатости её контуров, представленных на обозрение, сколько из-за высказываемой авторами приверженности дискредитировавшим себя мерам монетаризма.

В «либеральном» варианте «Стратегии-2020» перечисляются не вполне ключевые, но важные задачи и тенденции, которые подлежат решению и учёту при реализации любой модели. Однако непонятно, почему переход от «экономики спроса» к «экономике предложения» обеспечивает преодоление этих недостатков и стимулирование позитивных сдвигов. Авторы этой «новой» модели, списанной со старой, даже не сочли благоразумным учесть общее мнение специалистов, учёных, политиков и руководителей государства, что стратегию развития России нельзя базировать на стандартных рецептах «неоклассики», её стереотипах и догмах, игнорируя специфику и реальное положение дел.

«Либеральной» противостоит позиция, которую правомерно назвать неоиндустриальной. Аргументированная критика основ проводимой экономической политики и формулирование важных положений созидательного курса в течение всего периода рыночных реформ настойчиво ведётся акад. С.Ю.Глазьевым и проф. С.С.Губановым, которым удалось во многом соединить две поистине новые парадигмы современного развития: технологических укладов и новой индустриализации (Губанов, 2011). Содержательная сторона их стратегических взглядов суммируется, по сути, в *неоиндустриальном укладе* как исторически высшем в условиях нашей современности. Концепция технологических укладов органически сопрягается с неоиндустриальной парадигмой. Но с ними обоими несовместима и, более того, им полярно противоположна обновлённая «Стратегия-2020», в которой требования и вызовы перехода к неоиндустриальному технологическому укладу, потребность в развитии производительных сил России и создании высокотехнологичных рабочих мест не нашли даже

малейшего упоминания.

В посткризисный период число сторонников неоиндустриальной позиции заметно выросло. В качестве весьма резкой реакции отторжения «экономики предложения» можно расценить научный доклад учёных и руководителей научных коллективов РАН «О стратегии развития экономики России». Главной задачей социально-экономической политики, как справедливо считают авторы, является достижение значимых результатов, а не создание благоприятных условий для модернизации в расчёте на то, что действие рыночных механизмов автоматически обеспечит успех. Подчеркивается, что создание таких условий можно формулировать в качестве сопутствующих, инструментальных целей, но не как критерий политики.

По замыслу стратегии РАН экономическую политику следует нацелить на формирование высокотехнологического уклада неоиндустриального типа, с тем чтобы на его базисе в кратчайшие сроки выйти на уровень мировых лидеров. Тем самым оттеняются возможности не догоняющего при новой индустриализации, а опережающего развития.

В кратком изложении основные положения стратегии РАН сводятся к следующему. Происходивший в предкризисное десятилетие *рост без развития* с использованием оставшегося после «реформаторских» 1990-х гг. производственно-технологического потенциала не сопровождался модернизацией и преодолением структурных ограничений, а в настоящее время - полностью исчерпал себя. Усилия по преодолению последствий кризиса и огромные расходы на реализацию антикризисных мер не были увязаны с реализацией приоритетов долгосрочного развития, созданием высокопроизводительных рабочих мест. Следствием такой политики является стагнация инвестиционной активности и возрастание трудностей при поддержании текущего потребления и жизнеобеспечения населения.

Без кардинального повышения инвестиций в структурную перестройку экономики на основе неоиндустриального технологического уклада происходящая денежная накачка экономики создаёт лишь ловушку «отложенной рецессии» ценой нарастающих инфляционных рисков саморазрушения финансовой системы. Поэтому стратегия развития российской экономики должна исходить из чёткого понимания характера назревших структурных изменений и выявления национальных конкурентных преимуществ, активизация которых способна обеспечить устойчивый и быстрый рост промышленного производства.

Имеющийся в России объём национального богатства, сохранившийся научно-производственный и интеллектуальный потенциал позволяют воспользоваться открывшимися в условиях глобального кризиса возможностями для прорыва к новой волне экономического подъёма. Но необходимый для этого уровень инвестиционной и инновационной активности как минимум вдвое превышает имеющиеся ныне возможности финансово-инвестиционной сферы. Главным ограничителем развития российской экономики в течение всего постсоветского периода называется волюнтаристская политика количественного ограничения денежного предложения (денежной базы) со стороны Банка России. Совокупное денежное предложение - денежная масса М2, формируемая путём кредитной эмиссии, осуществляемой коммерческими банками, также излишне жёстко ограничивалась ЦБ РФ нормативами банковского регулирования. В результате монетизация российской экономики (соотношение денежной массы и ВВП) хотя и возросла за последнее десятилетие с 16 до 45%, остаётся значительно ниже, чем в развитых странах (70-100%).

Ключевая идея формирования стратегии опережающего развития заключается в приоритетном создании базисных производств нового технологического уклада и скорейшем выводе российской экономики на связанную с ним новую длинную волну роста. Для этого необходима концентрация ресурсов в развитии составляющих его перспективных производственно-технологических комплексов, что требует стратегического планирования условий и форм развития, а также целенаправленной работы национальной финансово-инвестиционной системы, включающей механизмы денежно-кредитной, налогово-бюджетной и валютной политики. Их необходимо ориентировать на становление ядра нового технологического уклада и достижение синергетического эффекта формирования кластеров новых производств.

Предполагается, что осуществление мер по реализации обоснованной стратегии развития позволит в течение ближайших 5 лет вывести экономику на траекторию устойчивого роста с темпами ежегодного прироста ВВП не менее 8% (в том числе производств нового технологического уклада - 30%), производственных инвестиций - 15% (в том числе в освоение ключевых технологий нового технологического уклада - 50%), объемов долгосрочного кредитования из внутренних источников - 40% (в том числе проектов модернизации и развития производства на передовой технологической основе - 70%). При этом особое внимание уделяется мерам по обеспечению стабилизации финансового и валютного рынков, что в условиях сохраняющейся глобальной нестабильности является необходимым условием экономической безопасности и способности России к самостоятельному развитию.

По мнению учёных РАН, глубокий анализ многих сторон экономической политики позволил им обосновать действенные средства повышения её эффективности и перечень мер, обеспечивающих реализацию разработанной стратегии опережающего развития российской экономики в условиях глобальной нестабильности.

Жёсткой критике «экономику предложения» и «Стратегию-2020» подверг и проф. С.С.Губанов, предложив стратегию *неоиндустриального консенсуса России* (Губанов, 2011). Согласно этой стратегии основной упор следует сделать на особых системных преобразованиях, направленных на планомерную интеграцию народного хозяйства, формирование цепочек добавленной стоимости и сектора крупных вертикально-интегрированных корпораций как ведущего в нашей многоукладной экономике. При интеграции собственности и производительного капитала движущей силой неоиндустриализации России естественным образом становятся сами крупные вертикально-интегрированные структуры, способные успешно конкурировать с зарубежными ТНК за сбыт своей конечной продукции на национальном и мировом рынке, наращивая наукоёмкое качество продукции и агрегированный мультипликатор добавленной стоимости (Губанов, 2012).

Чтобы придать стартовый импульс, необходимый для создания мощных вертикально-интегрированных структур, а в конечном итоге - оптимизации и диверсификации структуры всего народного хозяйства, С.С.Губанов предлагает селективную стратегическую национализацию, распространённую на магистральную инфраструктуру народного хозяйства, а также сектор добывающей промышленности. Он отмечает, что практика ведущих индустриальных стран подтверждает эффективность курса на создание конкурентоспособных ТНК, но России придётся идти здесь своим путём.

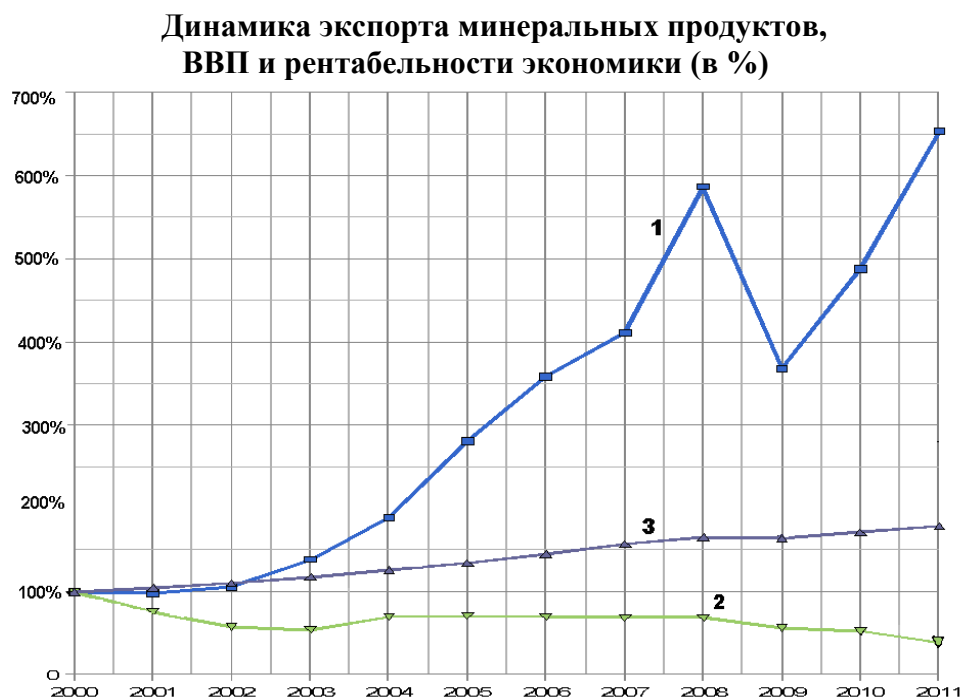
Очевидно, что принятые в докладе РАН и разработанные С.С.Губановым подходы содержательно близки, исходят из одного и того же принципа недопустимости подмены цели средствами и во многом дополняют друг друга. Несомненно, их объединение качественно усилило бы новую стратегию социально-экономического развития России.

Однако наряду со стратегическим аспектом нельзя упускать из виду сложившуюся потребность в жизненно безотлагательных преобразованиях. Речь идёт о мерах первоочередного порядка. На наш взгляд, недостатками обоих рассмотренных подходов является недооценка тяжести существующего положения, угрожающего приближением скоротечной развязки, под которой подразумевается невозможность существования государства без интенсивного наращивания суверенного долга. Наши исследования и базирующиеся на них оценки убеждают в большой вероятности такого исхода событий, ставящего крест на успешном решении масштабных задач развития.

Наш тезис сводится к тому, что разрабатываемая стратегия должна учитывать неотложные вызовы и фактор времени, т.е. содержать комплекс первоочередных мер. В частности, уже в ближайшие годы важно достичь устойчивости государственного бюджета России с целью подстраховки при неблагоприятных подвижках в мировой экономике. В этом плане особое значение приобретает возможность генерирования в кратчайшие сроки нарастающих потоков дохода в народном хозяйстве в процессе и благодаря реализации мероприятий стратегии.

На что должны быть направлены первоочередные меры. Серьёзную обеспокоенность вызывает, прежде всего, ситуация в сфере издержек и рентабельности. Анализ демонстрирует расходящееся движение трех экономических параметров в период 2000-2011 гг. - стоимости экспорта, объёма ВВП и рентабельности (см. график).

График

Примечание: 1 - стоимость экспорта минеральных продуктов; 2 - рентабельность проданных товаров; 3 - сопоставимый валовой внутренний продукт.

Особое внимание мы обращаем на рентабельность проданных товаров в народном хозяйстве, поскольку этот показатель наиболее полно характеризует возможности расширенного воспроизводства, а его критическое падение приводит к банкротству.

Стоимость экспорта минеральных продуктов в докризисном периоде 2000-2007 гг. увеличилась в 4,11 раза, а к 2012 г. - в 6,54 раза. Однако это не привело к пропорциональному росту ВВП: до 2008 г. в реальном исчислении он увеличился всего на 57,4%. В то же время возникла тенденция убывания рентабельности хозяйственной деятельности предприятий: с 18,9% в 2000 г. она снизилась до 13,1% в 2007 г. (на 31%), а затем до 9,6% в 2011 г. (на 49%).

Складывающаяся ситуация свидетельствует о том, что затраты предприятий растут гораздо быстрее, чем их выручка. Рентабельность внутреннего производства катастрофически убывает, и особенно заметно - в посткризисные годы. Сырьевой экспорт не в состоянии удерживать рентабельность экономики

на уровне, достаточном для формирования растущего накопления. Именно здесь видятся истоки наблюдаемого ныне затухания внутренних инвестиций и темпов роста.

Представленный график отчётливо демонстрирует противоположную динамику стоимости сырьевого экспорта и рентабельности товарного производства. Опираясь на факт их расхождения, можно сделать важный вывод: экспортно-сырьевая модель доказывает свою полную неспособность к тому, чтобы генерировать нормальный фонд внутреннего накопления и внутренних капиталовложений, не говоря уже об их эффективности. Между тем без достаточного накопления невозможно обеспечить ни динамично расширяющегося воспроизводства, ни прогрессивных его структурных пропорций, от которых зависит диверсификация отечественного народного хозяйства.

Под влиянием экспортно-сырьевой модели экономика приобрела ярко выраженный характер рентно-ориентированной, что не может не деформировать стимулы к сокращению издержек и наращиванию выпуска продукции обрабатывающих переделов индустрии (табл. 2).

В частности, в 2000-2011 гг. удельный вес рентных доходов, используемых для формирования федерального бюджета, увеличился с 20% в начале рассматриваемого периода до 40% (Тимохина, 2011). Но, как известно, на пополнение государственного бюджета расходуется лишь часть экспортно-сырьевой ренты, тогда как еще одним направлением их использования является пополнение государственных резервов (Международных резервов и Стабилизационных фондов России). Поэтому очевидно, что показанная в табл. 2 доля ренты в ВВП и СФР меньше действительной величины, поскольку отражает лишь часть средств.

Таблица 2

**Удельный вес рентных доходов
от экспорта минеральных ресурсов в бюджете, ВВП и СФР**

	2000 г.	2011 г.	2011 г. к 2000 г.
Номинальный ВВП, млрд. руб.	7 306	54 586	7,2
Федеральный бюджет, млрд. руб.	1 132	10 926	9,65
Рентный доход в бюджете, млрд. руб.	226*	4 370**	19,3
Доля ренты в федеральном бюджете (%)	20	40	2,0
Доля ренты, пополняющей бюджет, в ВВП (%)	3,1	8	2,58
Сальдированный финансовый результат (СФР), млрд. руб.	1 191	7 140	6,0
Доля ренты, пополняющей бюджет, в СФР (%)	19	60	3,16

* По курсу 2000 г. - 28,16 руб./долл.

** По курсу 2011 г. - 32,20 руб./долл.

Принимая во внимание тенденцию убывания рентабельности, произошедший рост макроэкономического значения экспортно-сырьевой ренты указывает на глубокую деформацию важнейших воспроизводственных пропорций, в числе которых - внутреннее накопление, эффективность капиталовложений, доля новых и высокопроизводительных рабочих мест, а также рентабельность. Естественно, каким бы крупным ни был объем экспортно-сырьевой ренты, он всё равно не в состоянии компенсировать громадные потери воспроизводства добавленной стоимости, обусловленные беспрецедентной по глубине деиндустриализацией народного хозяйства и уменьшением прибыльности внутреннего промышленного производства.

Опережение роста ВВП роста сальдированного финансового результата однозначно свидетельствует о серьезном ухудшении структуры ВВП, вызванном уменьшением в нем доли прибавочного продукта. Показателен и тот факт, что темпы роста федерального бюджета значительно опережали приращение ВВП. Это говорит о низких параметрах как инвестиционной составляющей государственного бюджета, так и эффективности бюджетных расходов.

В целом же данные, сгруппированные в табл. 2, позволяют констатировать достижение *критического порога вытеснения экспортно-сырьевой рентой трудовых доходов в ВВП, Федеральном бюджете и СФР.*

Официальные данные статистики не отражают реального состояния экономики. Формально справедливая оценка Росстатом в 2011г. рентабельности экономики в 9,6% вызывает тревогу крайне низким уровнем. Но за вычетом из СФР только сверхдоходов сырьевого экспорта на пополнение бюджета (40% его объема) её величина значительно меньше (~3%), и она теряет свою приемлемость. Если же учесть рентный доход, использованный на пополнение в 2011г. государственных резервов (Международных резервов и Стабфондов), а также виртуальные доходы от неполного присутствия амортизации в себестоимости продукции в связи с возрастным усыханием амортизационной базы, обнаруживается отрицательное значение сальдированного финансового результата, означающее убыточную хозяйственную деятельность предприятий и организаций народного хозяйства.

Критический характер ситуации усугубляется тем, что наращивание физических объёмов экспорта сырья и продукции первого передела происходит не на базе инновационного обновления производства, а методами штурмовщины, приводящими к удорожанию. Внутренние цены базовых отраслей непрерывно растут. Затраты на выпуск единицы продукции в смежных отраслях нарастают. Поэтому происходит дальнейшее снижение рентабельности, инвестиций и, как следствие, эффективности экономики.

Разумеется, первоочередные меры новой стратегии развития народного хозяйства должны предусматривать противодействие этому отрицательному фактору. Споры нет, идея вертикальной интеграции разрозненных хозяйствующих субъектов с прицелом на перерастание межотраслевых объединений в ТНК безусловно плодотворна. Однако форсированное создание межотраслевых корпораций в нынешних условиях проблематично. Даже если руководство страны решится на национализацию добывающих отраслей, чтобы иметь предпосылки для формирования цепочек добавленной стоимости, трудности массовой реорганизации производства и адаптации хозяйствующих субъектов к новым условиям деятельности задержат появление положительных результатов не менее чем на 5 лет. Тем временем может произойти обрушение нашей экономики.

Идея концентрации усилий и ресурсов на опережающем развитии и становлении базисных производств нового технологического уклада тоже безусловно плодотворна. Однако принимая во внимание царящую разруху в отечественной инновационной системе, к которой она пришла за годы рыночных преобразований, а также значительные временные лаги инновационного цикла, всерьёз рассчитывать, что с помощью пока еще фантомов нано- и биотехнологии уже в ближайшем пятилетии удастся нарастить поступления в государственный бюджет, не приходится. Но без решения этой проблемы под вопросом оказывается само выживание экономики России.

Таким образом, нам нужны первоочередные антикризисные меры. В существующих условиях акцент на безусловно перспективном направлении преобразования нашей экономики в экономику межотраслевых корпораций - по одной стратегии и опережающего становления базисных производств нового технологического уклада с целью скорейшего выхода на длинную волну ускоренного роста - по другой оставляет без должной поддержки сегодняшнее хозяйство, находящееся просто в критическом состоянии. Совершенно очевидно, что нынешний бюджет государства не осилит, а экономика не выдержит финансовой нагрузки по реализации этих перспективных стратегий, поскольку их положительные результаты проявятся только за пределами срока возможного существования экономики в её нынешнем виде и состоянии.

Соответственно первейшая задача сводится к устранению системного кризиса и преодолению распада экономики путём энергичного инновационного её обновления. В теперешних условиях замена каждого устаревшего рабочего места - таковых в России свыше 85% - современным приближает к предпосылкам полноценного развития, что выразится в росте производительности труда и зарплаты работников, уменьшении зависимости бюджета от трансферта нефтегазовых доходов, росте рентабельности и прибыли хозяйственной деятельности, создании условий оживления ныне парализованного процесса воспроизводства основных фондов.

В развитых странах функционирует современная материально-техническая база, а каркас экономики уже образуют ТНК. Их усилия, дополняемые усилиями государства, концентрируются на освоении нового технологического уклада. В России преобладают техника и технологии 1965-1980 гг. В соответствии со сроками полезного использования они подлежат утилизации.

Критичность ситуации очевидна. К тому же вместо организационной и технологической интеграции производства упорно проводится курс на разрушение уже существовавшей национальной системы железнодорожного транспорта и электроснабжения. Все свидетельствует о том, что очень вразумительные речи об актуальности инновационного обновления и диверсификации экономики, разработке новой модели и стратегии развития

остаются просто фразами. Они не подкрепляются живым делом, практическими решениями. Идёт больше работа над фасадом здания государства, хотя без укрепления экономического фундамента ему грозит обрушение.

Еще в 2005 г. мы писали: «Налицо странная ситуация. Экономика разрушается под давлением абсолютно изношенных основных фондов и деградировавшей в связи с этим материально-технической базой. Для её восстановления требуются огромные средства, и они имеются в наличии. Получается, есть потребность и есть источник её удовлетворения, но они упорно не находят друг друга. Причина того - Правительство РФ не видит потребности, не готово сформулировать её в виде общехозяйственного инвестиционного проекта, который в полном объёме можно обозначить как инновационную реконструкцию народного хозяйства.

... Видимо, не встретит непонимания и возражений утверждение о том, что абсолютно приоритетным является усиление государственного участия на стратегически важном направлении коренной реконструкции материально-технической базы народного хозяйства для форсированного перевода отраслей экономики (в первую очередь промышленности) на инновационный путь развития, позволяющего ликвидировать нерентабельный сектор общественного производства, выпускать конкурентоспособную продукцию и сократить импорт, ускорить экономический рост, обеспечивающий многократное увеличение ВВП в сравнении с исходным периодом и на этой основе повысить уровень жизни населения не на проценты, а в разы» (Дасковский, 2005).

Исходя из изложенного, мы можем заключить, что платформой первоочередных мер в рамках новой стратегии социально-экономического развития России должна быть программа инновационной реконструкции предприятий народного хозяйства. Параллельно и одновременно с ней, опираясь в том числе на генерируемые инвестиционные ресурсы и новые экономические возможности, должна осуществляться реализация программы оптимизации организационной структуры народного хозяйства.

Мы предлагаем принять за основу интенсификации экономического развития России не абстрактную инновационную модернизацию, а инновационную реконструкцию материально-технической базы народного хозяйства. В этом случае всё обретает ясность: объёмы и приоритеты работ, их очередность и сроки, источники и формы финансирования, исполнители и ответственные и т.д. Тогда всё сводится к чётко рассчитываемым операциям и выбору оптимальных вариантов по соотношению «результаты/затраты». Уже через год реализации такой программы пополнятся счета реконструированных предприятий и государственного бюджета.

Чем масштабнее программа, тем благотворнее будут последствия для бюджета государства: через 5-7 лет он может стать независимым от экспорта нефти и газа, а через 10-12 - достаточным для жизнеобеспечения и быстрого социально-экономического прогресса России.

Критическая тяжесть ситуации определяется не только грандиозными объемами и стоимостью «упущенных» работ – утрачены еще источники их обычного финансирования и слишком много времени потеряно на исправление положения. Вот почему необходимо акцентировать внимание на существовании гораздо более близких угроз и жестких сроков их преодоления, чем принято думать. По сути, речь идет о мерах антикризисной программы для текущей ситуации, особенностями которой являются отсутствие собственного инвестиционного потенциала у субъектов хозяйства и наличие его у государства (Международные резервы и Стабилизационные фонды), а также необходимость успешной реализации первого этапа программы, обеспечивающего формирование государственного бюджета при снижении доли рентных доходов до израсходования государственных резервов из-за ухудшения ценовой конъюнктуры на мировом рынке углеводородного и прочего сырья.

Предлагаемая программа первоочередных мер ориентирована на кардинальное совершенствование производительных сил, призванных вытаскивать на уровень стоящих задач и всю социальную «надстройку». Практическая реализация остро назревших мер требует замены ряда концептуальных положений, инструментария и целеполагания, кардинального

смещения акцентов в экономической деятельности: речь идёт о создании предпосылок действительно новой модели развития отечественной экономики.

В связи с глубокой деформацией экономической среды программа предполагает усиление присутствия государства на особо важных направлениях перспективного развития. Государство не должно ограничиваться функцией общей координации народного хозяйства, развивающегося преимущественно под действием рыночных сил. Оно призвано активизировать и свою функцию владельца собственности, участвуя в качестве такового в хозяйственной деятельности.

Характеристика некоторых первоочередных мер. В целях оздоровления экономической среды наша программа содержит иной подход к ограничению инфляции. Учитывая преимущественно немонетарную природу инфляции в нашей стране, мы считаем нерезультативным её ограничение средствами только денежно-кредитной политики ЦБ РФ, отвергая тем самым политику монетаристского таргетирования. На наш взгляд, более эффективной мерой явилась бы фиксация базисных для экономики и населения цен на период действия трёхлетнего государственного бюджета. Объективно обусловленные убытки ряда предприятий можно компенсировать в этом случае из резервных фондов, которые помимо функции стабилизации текущей деятельности (Стабилизационный фонд) должны включать инвестиционную функцию.

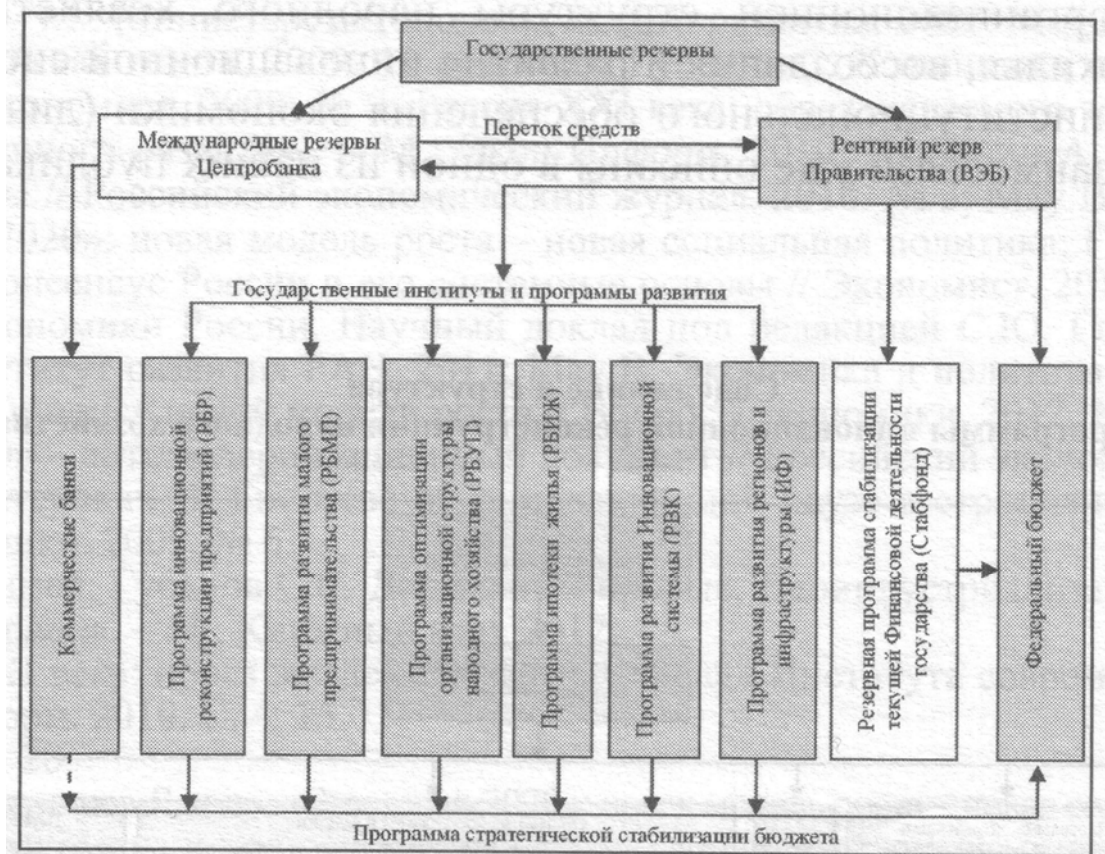
Для увеличения потенциала накопления, необходимого для инвестиционно-структурного преобразования экономики, государство реализует свое конституционное право на владение всей массой природной ренты с помощью активной ценовой политики вместо налоговой (НДПИ). Для этого следует ввести механизм выкупа добытых природных ресурсов по внутренним расчётным ценам и введения государственной монополии на торговлю ими на мировом рынке. Вырученные валютные средства за минусом затрат на выкуп природных ресурсов у производителей образуют фонд неоиндустриализации России, используемый на финансирование институтов развития, ответственных за реализацию прорывных программ, важной целью которых является стратегическая стабилизация государственного бюджета.

Отказ от борьбы с инфляцией преимущественно монетаристскими мерами приводит не только к смене субъекта ответственности за её искоренение (правительство вместо ЦБ РФ), но и пересмотру всей денежно-кредитной политики ЦБ РФ. Основной её целью станет тогда не снижение инфляции, а развитие финансовой системы и устранение разрушений, нанесённых народному хозяйству. Предстоит перейти от практики стерилизации средств экономики к наращиванию её монетизации, сократить масштаб «бегства капитала», добиться рефинансирования банков и снижения кредитной ставки, «расшить» проблему плохих долгов, укрепить и развить сеть коммерческих банков и их представительств на территории страны. Соответственно возможен и пересмотр уставных положений о Банке России.

Для того чтобы полученные в своё ведение огромные средства фонда неоиндустриализации Правительство РФ могло использовать как инвестиции, надо признать, что бюджетные инвестиции – это не столько текущие государственные расходы, сколько предстоящие государственные доходы. Ещё труднее, но всё же придётся признать, что бюджетные инвестиции фондов развития (в форме платных кредитов) – тоже благо. Без них российский бюджет в ближайшие годы без внешних заимствований сверстать будет невозможно. Предстоит исключить квалификацию кредитной (рентабельной) деятельности государственных организаций на базе государственных средств (финансирование институтов развития) бюджетными расходами. Это – государственные прибыльные инвестиции.

Безвозмездное финансирование инвестиционных программ за счёт бюджета должно по возможности ограничиваться. Порядок финансирования государственных корпораций должен предусматривать жёстко регламентированное возвратное поступление от них в бюджет налоговых средств и ссудных процентов. Реорганизованный комплекс «институтов развития» превратится в «фабрику» выращивания значительных и ежегодно увеличивающихся – при соответствующем инвестиционном финансировании – доходов государственного бюджета (диаграмма 2).

Структура использования государственного фонда новой индустриализации России: государственные программы и ответственные за их реализацию институты развития

Примечание: Международные резервы ЦБ РФ и Стабфонд минимизируются в соответствии с нормативами их образования.

Устоявшийся взгляд на бюджетные расходы только как на потери, а на бюджетную политику - как на помощь бедным является помехой для политики первоочередных мер по диверсификации отечественной экономики. С другой стороны, реорганизованные «институты развития» представляют, на наш взгляд, недостающее звено в системе действенного управления развитием народного хозяйства.

Содержание программы инновационной реконструкции народного хозяйства. Сформулированные нами цели и принципы первоочередных мер позволяют проводить энергичную экономическую политику, которая должна стать не свидетельством преданности идеалам рынка, а средством достижения стратегических целей. Предстоит прагматичная переориентация денежно-кредитной и инвестиционной политики на развитие народного хозяйства и исключение нефтедолларовой зависимости бюджета, требующая не менее десятикратного роста инвестиций в основной капитал и НИОКР. Явное и скрытое покровительство «бегству капиталов» из страны должно смениться ограничением перемещения средств за рубеж. Отказ от тотальной стерилизации притока денежных средств позволит обратить на нужды инновационного обновления экономики масштабный объем инвестиций.

Предстоит также выработать механизм сдерживания массовых финансовых вложений на фондовом рынке, носящих спекулятивный характер. Своё участие в развитии определённых производств и корпораций государство должно осуществлять, прибегая не к приобретению их акций, а обеспечивая доступ к дешёвому долгосрочному кредиту, ресурсы которого найдут подпитку при снижении спекулятивной активности на фондовом рынке. Ограничение финансовых вложений организаций в биржевые и валютные спекуляции является крупным резервом оживления кредитной и реальной инвестиционной деятельности.

Лейтмотивом программы первоочередных мер, направленных на реализацию

стратегической цели, должно стать создание условий для использования рентных доходов, извлекаемых за счет экспорта сырья, ради скорейшего перевода материально-технической базы народного хозяйства на 100%-ный уровень применения техники и технологии нынешнего (уходящего) технологического уклада, а также форсированного создания научно-технического потенциала неоиндустриального уклада.

Содержание программы управляемой инновационной реконструкции народного хозяйства должно включать шесть взаимосвязанных блоков: инновационной реконструкции предприятий, развития малого предпринимательства, оптимизации организационной структуры народного хозяйства, массового строительства жилья, воссоздания и развития инновационной системы, а также модернизации институционального обеспечения экономики (диаграмма 3). Их назначение и взаимосвязи уже описаны в одной из наших публикаций (Дасковский, Киселёв, 2011).

Диаграмма 3

В целом реализация предлагаемой программы первоочередных системных мер определяет стартовую институциональную реорганизацию, обеспечивающую предпосылки реализации новой стратегии развития, основанной на переходе к неоиндустриальному технологическому укладу.

В начальной фазе осуществления программы основную ответственность за интенсивность и глубину положительных перемен несут пять блоков (без инновационной системы). Они являются разгонными и призваны в течение 10 лет вывести экономику на магистраль индустриально развитых государств. С этой магистральной с помощью заблаговременно созданного шестого блока (инновационной системы) в пределах третьей пятилетки должен быть подготовлен старт России в неоиндустриальный технологический уклад, освоение которого сулит качественно новые социально-экономические преимущества и достижения в производительности труда и уровне жизни населения.

Инновационное обновление повысит конкурентоспособность экономики, устранив перекосы отраслевой структуры, в конечном счёте - обеспечит столь важную сейчас устойчивость государственного бюджета. Возрастет масштаб ресурсного обеспечения инновационного замещения изношенной техники и технологий, будет достигнута диверсификация и оптимизация организационной структуры народного хозяйства,

установится система социально справедливого распределения добавленной стоимости между участниками производства и обществом. Россия совершит тем самым поворот на магистраль передового развития - неоиндустриального, наукоёмкого, инновационного.

Литература

Мау В.А. (2012). Экономика и политика в 2011 году: глобальный кризис и поиск новой модели роста // Вопросы экономики. №2.

Глазьев С.Ю. (2007). О стратегии экономического развития России // Вопросы экономики. №5.

Глазьев С.Ю. (2012). Стратегия-2020 - антимодернизационный документ // Российский экономический журнал. №2.

Губанов С.С. (2008). Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. №9.

Губанов С.С. (2009). К политике неоиндустриализации России // Экономист. №9.

Губанов С.С. (2011). Системный выбор России и уровень жизни (Неоиндустриальный консенсус России и его системные основы) // Экономист. №11.

Губанов С.С. (2012). Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир.

Дасковский В.Б. (2005). Экономический рост: темпы и качество // Экономист. №11.

Дасковский В.Б., Киселёв В.Б. (2011). О мере и формах государственного участия // Экономист. №8.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (2008-2020 гг.) (2008). М.: Министерство экономического развития.

Любинин А.Б. (2010). Какие времена - такие и прогнозы // Российский экономический журнал. №3

Медведев Д.А. (2009). Россия, вперед! // Российская газета. 11 сентября.

О стратегии развития экономики России (2011). Научный доклад под редакцией С.Ю. Глазьева. М.: Национальный институт развития РАН.

Полтерович В.М. (2009). Гипотеза об инновационной паузе в стратегии модернизации // Вопросы экономики. №6.

Реформационный прагматизм как основа модернизации (2007). Резюме доклада «К концепции и программе социально-экономического развития России до конца 2015г.», подготовленного группой учёных РАН под руководством Р.С. Гринберга // Российский экономический журнал. №3.

Россия XXI века: образ желаемого завтра (2010). Доклад Института современного развития (ИНСОР). М.: Экон-Информ.

Стратегия-2020: новая модель роста - новая социальная политика (2012). [Электронный ресурс]. Информационный сайт экспертных групп по работе над «Стратегией-2020». Режим доступа: <http://2020strategy.ru/documents/32710234.html> свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: январь 2013).

Тимохина Е. (2011). Анализ устойчивости федерального бюджета России в период кризиса // Вопросы экономики. №1.

Фетисов Г. (2007). Альтернативы «сырьевой» модели развития российской экономики // Российский экономический журнал. №9-10.

Постоянный адрес статьи в интернете <http://www.niec.ru/Articles/061.htm>